

Колдовские
ТАУНЫ

ДАРЬЯ СНЕЖНАЯ
ЛЮБОВЬ РЕМЕЗОВА

АРТЕФАКТИКА
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С53

Разработка серийного оформления *В. Акулич*

Иллюстрация *Е. Черновой*

Оформление *Л. Ласица*

Снежная, Дарья.
С53 Артефактика. От теории к практике / Дарья Снежная, Любовь Ремезова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Колдовские тайны).

ISBN 978-5-699-93672-4

Темные дела творятся в мастерской О'Тулла, в одной из лучших мастерских Лидия, а значит, и королевства. И пусть бы просто украли бумаги да взломали щиты, но ведь и с мастерами происходит неладное. Да что там с мастерами — досталось даже стажеру-подмастерью!

Кому понадобилось вмешиваться в мирные дела мастерской? И почему думать об этом вынуждена стажер одной из лучших мастерских Лидия (а значит, и королевства!), Нинон Аттария?! Пусть прима-мастер Максимилиан Шантей об этом думает, ему по статусу положено!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93672-4

© Снежная Д., Ремезова Л., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Эта книга посвящается Нинон.
Замечательной девочке,
подарившей главной героине кудряшки,
ресницы и имя!*

ГЛАВА 1

ЗДОРОВАЯ ПРАКТИЧНОСТЬ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, ИЛИ О ТОМ, КАК ОДНА ЮНАЯ БАРЫШНЯ УГОДИЛА В ПУТЫ СВОЕГО НАЧАЛЬНИКА

Ближе к обеду, минут за двадцать до перерыва, когда все работники уже мысленно переносились кто в ближайшие кафешки, кто к упакованным в сумки бутербродам, в мастерскую заглянул прима-мастер Шантей. Он окинул взглядом помещение мастеров-артефакторов, нас, стажеров, за верстаками и, упершись взглядом в Юджина, велел:

– Через пять минут быть в моей мастерской. Расчертишь мне пентаграмму под насыщение силой турмалинов, упреждающий коэффициент для серебра. Масштаб 0,8 от стандартного.

И исчез, даже дверь не хлопнула.

– Я ему не личный подмастерье! У меня свои обязанности, на каком основании мастер Шантей мной распоряжается?! – бесился веснушчатый рыжий Юджин, а я смотрела на него и не верила своим ушам. А ведь вроде не дурак!

– Ты совсем рехнулся, что ли? – на всякий случай уточнила я у однокашника. – Ты что, не понимаешь, да? Делать черновую работу для прима-мастера – это значит наблюдать за его работой. Юджин, не позорь родные пенаты. Бегом побежал!

На последних словах я рывкнула с отчетливо командирскими интонациями, Юджин ожидаемо растерял-

ся, а я невозмутимо продолжила шлифовать выданные мне полудрагоценные камни. Монотонная работа, нетворческая и нудная. Требуемая не квалификации, а педантичного внимания.

Дверь в общую мастерскую снова приоткрылась, мастер Шантей просунул в нее голову.

– Я передумал. Ты, мальчик, – глядя прямо на меня, объявил он, – иди и начерти. Требования и параметры ты знаешь.

Я обалдела. Совсем как от моего собственного наезда – Юджин. Уставилась на прима-мастера, вытаращив глаза. Что сказать-то ему? Что я вообще-то девочка? А то это не очевидно! У меня грудь, а при ней – вырез! Я тарацилась на мастера, он смотрел в ответ. Столь светло и безмятежно, что с абсолютной ясностью поняла – знает. И грудь мою однозначно видит.

– Что-то не так? – умиротворенно спросил мужчина. – Тебя что-то не устраивает?

– Все так! – вовремя захлопнув рот, бодро заверила я. – Меня все устраивает!

А потом торопливо упаковала камни обратно в коробку и, сопровождаемая вяло любопытными взглядами (Ну понадобилась приме помощь подмастерья, ну, выбрал он кого посмышленее, что такого? А что мальчиком назвал, так, может, оговорился! Не исправляться же? На то он и прима!), поспешила вслед за артефактором на второй этаж.

Мы работали здесь всего ничего, подходила к концу первая неделя, поэтому если более-менее выучить по именам всех местных я успела, то что они собой представляют в плане личного общения, еще понятия не имела. А главных мастеров, работающих в отдельных кабинетах этажом выше, и видела-то от силы по разу

каждого. Причем одного – перед отъездом в длительную командировку.

Мужчина толкнул дверь с бронзовой табличкой «Ведущий мастер Максимилиан Шантей» и тут же махнул рукой в сторону заваленного бумагами и материалами стола, соседствующего с его рабочим.

– Можешь сесть туда, материалы и инструменты там. – Еще один взмах в сторону заставленных коробками полок. – Если не найдешь чего, спроси у Кайстен. Через час приду, проверю.

Я открыла рот, вспомнив про перерыв, и тут же закрыла под насмешливым взглядом серых глаз артефактора. Он дождался утвердительного кивка и покинул мастерскую, оставляя меня в одиночестве.

Ух, как мне захотелось хорошенько осмотреться, сунуть нос во все щели, подержать в руках все инструменты, изучить, что же разложено на столе мастера... но не пристало без полугода выпускнице Лидийской государственной школы артефактики вести себя подобно первоклашке на экскурсии в музее.

...Да и без рук остаться можно, если хватать что ни попадя на столе у артефактора такого ранга...

Так что любопытство пришлось затолкать поглубже и взяться за дело. Для начала – разгрести место.

Ну и бардак!

Слышала я краем уха, что мастер Шантей лично подмастерья сейчас не держит, вот было бы здорово стажировку проходить у него, а не в общей мастерской. Прима-мастер! А ему ведь и сорока нет. Да и какое сорока... русский ежик без признаков седины, осанка уверенная, походка стремительная, морщины если и есть, то только «смешливые» – в уголках глаз. А главное – живой, любознательный взгляд. Энергия так и брызжет! Да ему тридцать с хвостиком.

ком едва наскребется. Вот это было бы настоящее дело!

Я распихала свитки и книжки по краям широкого стола, отыскала необходимые принадлежности. Как он там сказал? Масштаб 0,8 от стандартного?

Набросать на клочке бумаги цифры, прикинуть размер и положение на листе...

Работа знакомая, мы на выпускных экзаменах почти то же самое делали, а уж сколько я бессонных ночей провела при подготовке, вычерчивая, вычерчивая... все окрестные мусорные баки потом своей бумагой забила! Зато теперь линии легко ложились, четко, ровно. Даже не нужно лишний раз расстояния выверять.

Хотя я все равно выверяла. На всякий случай.

Мастер вернулся, как и обещал, через час, когда я уже добавляла чертежу последние штрихи. Приблизился, заглянул через плечо. Я отвела руки, позволяя рассмотреть всю работу, сцепила пальцы в замок и скосила глаза, наблюдая за выражением его лица – понравится не понравится? Был у нас учитель один, так он принципиально считал, что ученик все сделать правильно не может – на то он и ученик. Ох, пока мелкие были, как мы рыдали от злости и несправедливости, когда он находил полумиллиметровый сдвиг в чертеже, который даже и никакого значения не сыграет при построении, и снижал оценку.

Понимание того, что выдрессировал он нас зато как ценят и что группы, которые у него учились, в старших классах были впереди всех одноклассников, пришло позже. В чертеже я не сомневалась, но было интересно, как его мастер оценит.

Мужчина пробежался по рисунку беглым, но цепким и внимательным взглядом и хмыкнул одобритительно, усмехнувшись уголком губ.

– Как, говоришь, тебя зовут?

– Нинон... – Я на мгновение даже растерялась, а потом торопливо добавила: – Аттария.

Мужчина задумчиво потер подбородок.

– Что из этого имя, а что фамилия?

Я возмущенно распахнула рот и только спустя пару мгновений уловила, что насмешка в голосе была совершенно беззлобная. Может, это проверка такая?

– Нинон – имя. Аттария – фамилия, – отчеканила я как можно спокойнее.

– Только не говори мне, что я один не вижу разницы, – печально вздохнул прима-мастер, заставив меня заскрипеть зубами. – Ладно, как тебя называть, я потом придумаю, а пока, мальчик, – он подхватил чертеж и свернул его в трубочку, – иди поешь. Потом вернешься. Рассчитывать коэффициенты совместимости умеешь? – Я даже кивнуть не успела, как мастер Шантей уже продолжил, словно по глазам читая: – Рассчитаешь на стандартный средний конус: пестрая яшма, рубины, амазонит. Первичная категория – защитная. Сделаешь набросок. Это несрочно, но и не тяни.

В первые мгновения я не поверила своим ушам. Что, правда? Он дает мне еще одно задание?

Артефактор усмехнулся, легонько стукнул меня свитком по подбородку, закрывая чуть приоткрывшийся то ли для какого-то глупого вопроса, то ли от счастливого удивления рот, а затем вдруг наигранно сдвинул брови и шикнул:

– А ну кыш отсюда!

Я подорвалась со стула и побежала к двери.

– Жуй хорошо только! Не подавись! – насмешливо прилетело мне вслед.

Я старалась! Честно старалась! Но от мысли, что я, возможно, смогу работать бок о бок с прима-мастером, жевать не получалось. Получилось только проглотить

в срочном порядке свои бутерброды, пробубнить с набитым ртом что-то невразумительное в ответ на расспросы Юджина и умчаться обратно на второй этаж — а то вдруг передумает?!

Не передумал. Мое появление было встречено только беглым взглядом. Мужчина убедился, что налет на его кабинет совершила я, а не банда грабителей и убийц, и тут же вернулся к работе. По моему чертежу, как я успела польщенно заметить. Значит, и правда было что-то срочное.

Стараясь не коситься уж слишком откровенно на работу примы, я прошла к отведенному мне столу и принялась за дело. Расчет коэффициента совместимости — это уже задача посложнее. Мало того что не все камни сочетаются друг с другом, и таблица их взаимодействия на основе зодиакальных созвездий — это едва ли не первое, что вызубривают ученики школы артефактики. Так еще и нельзя просто взять две кучки сочетаемых камней и впаять на глазок, как левая пятка захочет. Сочетаемость строится на количестве камней, количестве их разновидностей в одном артефакте, их качестве и размере. В особенно сложных случаях могут иметь значение и чистота камня, и насыщенность цвета или даже место его добычи, но раз мастер Шантей ничего об этом не сказал, значит, дополнительные параметры учитывать не надо.

Яшма, рубины, амазонит принадлежат созвездиям Скорпиона, Овна и Весов соответственно, одно из лучших сочетаний. На стандартный конус... Я на мгновение прикрыла глаза, мысленно набрасывая расположение камней. Если первичная категория защитная, то ведущую роль стоит отдать амазониту, он обладает среди этих трех самой сильной аурой талисмана-защитника. Затем яшма — оберег от порчи и сглаза.

И последнее место – рубин, даст амулету силу, напугает его, закрепит воздействие первого и второго...

С этими мыслями я углубилась в расчеты, из которых вынырнула только на мгновение, когда мастер окликнул и сообщил, что отлучится. Магия камней уже утатила меня в свои манящие глубины, поэтому я лишь кивнула и вернулась к прерванному занятию. А опомнилась, только когда приступила к рисунку и обнаружила, что у меня на столе нет рейсшины¹. В столе ее тоже не оказалось, как и на стеллаже с материалами и инструментами, как и под столом (мало ли...). Я вылезла оттуда и так и осталась сидеть на полу в раздумьях.

Помнится, было сказано, если чего не найдешь – иди к Кайстен, но местной кладовщицы я, откровенно говоря, побаивалась. Одного-единственного раза, когда я сунулась к ней за необработанными изумрудами по просьбе одного из мастеров, мне хватило, чтобы теперь обходить складские помещения по широкой дуге. Поскольку я тогда была вынуждена не только детально обосновать, зачем они мне нужны, но и чуть ли не рассказать всю свою родословную до десятого колена с пометками «не замечена, не привлекалась, не употребляла». Пойдешь к ней за рейсшиной, а потом объясняй, как это я не нашла ее в кабинете у ведущего мастера, и что я вообще делала в этом кабинете, и, кстати, почему он до сих пор не вернул остатки от восьмикаратного сапфира, взятого год назад, поскольку шестикаратного не нашлось. Да-да, это у меня тоже спросили, когда я, стажер, пришла к ней на второй день работы в ма-

¹ Чертежная линейка, используется в основном для проведения параллельных линий.

стерской. И даже мои недоуменно хлопающие глаза не остановили ее от бурчательной лекции на тему того, как некоторые безответственные примы присваивают казенное имущество. Собственно, тогда я и услышала имя мастера Шантея в первый раз.

Я передернула плечами, представив черный сверлящий взгляд кладовщицы, и поднялась с пола.

Схожу-ка я лучше к мастеру-ювелиру. Им в мастерской О'Тулла была гнома по имени Дейдрэ МакАльпин. К нам, стажерам, она с первого дня отнеслась сердечно, провела экскурсию и даже пару раз сама, без просьб с нашей стороны, приглашала, если в ювелирной происходило что-то такое, на что будущим артефакторам было бы интересно посмотреть. У нее наверняка есть рейсшина, да и кабинет старшего мастера-ювелира расположен всего в двух шагах от кабинета мастера Шантея.

Я сначала неуверенно постучала и, лишь услышав звонкое «войдите!», просунула голову в дверь.

— Мастер МакАльпин, здравствуйте, а...

— Так, дорогая моя, еще раз назовешь меня мастер МакАльпин — и больше никаких показательных ювелирных выступлений! Я вам что говорила, когда прибыли? Дейдрэ! Можно подумать, мне все двести лет, а не каких-то шестьдесят! Я еще, может, и помоложе тебя буду по нашим меркам! — весело ответствовала гнома, едва глянув, кто заявился. — Удачно ты зашла, иди что покажу!

Я торопливо приблизилась. «Что покажу» в исполнении мастера-ювелира обычно выглядело весьма впечатляюще.

— О... — только и смогла восхищенно выдохнуть я при виде огромного серого куска горной породы, который на сколе искрился молочной белизной, рассыпаю-

щейся мириадами цветов и оттенков, переливающейся и вспыхивающей при малейшем движении.

Благородных опалов такого размера мне раньше видеть не доводилось. Этот камень чаще встречался в виде тонких слоев или плоских линз, а тут такое богатство. Да он, наверное, размером с куриное яйцо будет, даже больше!

– Красавец, а? – гордо проговорила мастер-ювелир и любовно погладила камень, словно лично его создавала, отстранив от этого тонкого дела матушку природу.

– Не то слово. – Я не удержалась и коснулась кончиками пальцев сверкающего разлома. Даже не оформленный, необработанный камень отозвался на прикосновение скрытой силой, способной горы свернуть. – И куда вы его потом?

– А, Макс у отдам! – Гнома улыбнулась и хитро добавила: – Если будет хорошо себя вести.

«Максу?» – едва не переспросила я, но почти сразу сообразила, о ком идет речь, припомнив табличку. Только мое замешательство от Дейдрэ не ускользнуло.

– Ох уж эта молодежь! – тоном древней старушки пробормотала гнома. – Все бы вам радикулит раньше времени другим приписывать! Мы тут стареть не торопимся, поэтому чтобы «вы» я от тебя больше не слышала!

Перед глазами мелькнул насмешливый взгляд и ехидная улыбка, и я мысленно признала, что свое «Макс» подходит прима-мастеру куда больше, чем благообразное «мастер Шантей». Только вряд ли я когда-нибудь осмелюсь его так назвать даже за глаза!

В Лидийской школе артефактики, превосходящей по престижу даже столичную, панибратство не поощряли. В присутствии учителей мы даже друг к другу обраща-